

Комс. правда 1984, Ч.дн., №3

«Художник должен быть, — писал Перов, — поэт, мечтатель, а главное, неусыпный труженик»...

Самого Перова называли поэтом скорби, мечтателем не называл никто. Его муз, как и «Музе мести и печали» его современника Некрасова, была родной сестрой та девушка, которую били кнутом на Сенной.

Он сразу же выступил гневным обличителем полицейского самоуправства, растленности духовенства, чиновничего разбоя царской России. Зримо показал обществу всевластного Держиморду, взяточника и пропойце («Приезд становового на следствие»), и будущую хищную канцелярскую крысу («Первый чин. Сын дьячка, произведенный в коллежские регистраторы»). Портной примеряет на сыне дьячка фрак, а тот уже занесся возвесел, ему мерещится необъятное «поле» канцелярских угодий, с которого он готов собирать урожай. Перед нами герой сухово-кобылинских драм, раб и гений империи.

«Сельский крестный ход» был снят с выставки и запрещен. Беспробудное пьянство и обжорство духовенства высмеял художник и в картинах «Монастырская трапеза» и «Чаепитие в Мытищах», где с подлинным отвращением показан лоснящийся от жира монах, заехавший в Мытищи по-дакомиться чайком родниковой водицы и прогоняющий от себя калеку-солдата.

С ненавистью бьет своей кистью Перов и по мурлы купца. Купеческая среда надвигается на бедную гувернантку («Приезд гувернантки в купеческий дом»), и нам искренне жаль эту хрупкую девушку, которую пригнала сюда нужда. Оценивающие смотрят хозяин дома: что куплено? Его плотная, запахнутая в халат фигура — «хозяина жизни» — излучает нахальную уверенность, тупо-квадратное лицо тщится быть величественным. А рядом колышутся и другие горючие, исплохнутые, неуклюжие, дивящиеся лица. Жиром, глупостью и

ДОБРАЯ, ГНЕВНАЯ КИСТЬ

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения В. Г. Перова

похотью лоснится рожа достойного наследника главы дома, сыночка-придурка, нагло взглядывающего на девушку... Дикое царство вскользнулось и поглотило ее.

О портрете купца Камынина художник М. В. Нестеров сказал, что он вместили в себя «почти весь круг героев Островского». С благообразно расчесанной головой, с кустистой бородой, удостоенный золотой медали, он недовольно и неудобно сидит в кресле, чтобы судить вас, не слушая возражений и пояснений, да требовать отчета: почему все вокруг не то и не так.

«...Кто не слеп и не глух, — говорил Стасов, — почувствует в этих картинах едкое жало».

Это едкое жало было направлено в защиту сирых и беззащитных. Прежде всего крестьян.

Мы часто видим их на картинах художника, который был дружен с ними с юности. Перов привлекали «характер и нравственная жизнь народа». И больно ранили бесправие, рабство, нищета русских людей. Одна из первых картин — «Проповедь в селе» — показывает, как заинтересован художник в жизни, как горячо откликается на нее. Проповедует священник, сладко дремлет помещик, флиртует помещица, масса мелких действий совершается, но самое впечатляющее — реакция крестьян, не слушающих проповедь, но обращающихся все свое внимание к чиновнику, который объявит указ об «освобождении».

...Из чаши волос сумрачно-недоверчиво и настороженно-скептически смотрят крестья-

нин «Фомушка-сыч», взор его находили жутким. Перов отметил, как отозвались Фомушки-сычи на «волю» 1861 года: «Молча идет он (народ). — В. Л.) с каким-то недоумением, молча расходится по домам».

Но, конечно же, самая высокая и горькая правда о крестьянской жизни — «Проводы покойника». Горе едет в санях. Понурилась лошадь, нахолились ребятишки у гроба, горестна и безотрадна спина вдовы. Небо заволоклось тяжелыми стылыми тучами. «Перов, — писал Стасов, — дал полную покинутость и одиночество крестьянской семьи в ее горе».

Эта покинутость, пожалуй, главный мотив в «крестьянских» картинах художника.

Покинутость — как сковывающее про克лятие, как безысходность... Тускло-красноватый свет в окнах кабака — отблески судорожного веселья («Последний кабак у заставы»). Крестьяне завернули в кабак по дороге домой. А дорога уводит словно на край света, но из неволи в неволю. И путь открыт, да свернуть с него невозможно. Мрачно-значительные столбы заставы, увенчанные двуглавыми орлами, предстоеят. Холод. Снег. Пустота. Как заколдованная — сиротливая фигурка в санях — мы чувствуем терпеливый, ожидающий взгляд женщины. И ощущаем полную затерянность и потерянность этого мира.

Людское горе, людскую нужду запечатлел художник во многих своих картинах. Есть в них одна особенность. Он показывает нам «горе

ЭТЮДЫ О ШЕДЕВРАХ

спин». И тем оно безутешнее. Лицом человек бодрится — спина не имеет маски. Глядя на спину вдовы в «Проводах покойника», замечал современник, «сердце сжимается, хочется плакать». Кажется, вся печаль мира собралась в осеннем кладбищенском углу («Старики — родители», картина связывали с романом И. С. Тургенева «Отцы и дети») и осела на собренных спинах стариков (Базаровых)...

С особенной болью рассказывал Перов о детях. Нам и сейчас представляется, что вечно будут бежать, волоча за собой огромную обледенелую бочку с водой, трое детей в оборванной одежде («Тройка»). В «Мальчике-мастеровом, засмотревшемся на попугая» мы видим подмастерья, песьшего обед и застывшего у окна («велико искушение!»), где диво заморское — попугай в клетке.

Об униженных и оскорбленных всю свою жизнь думал Перов. Ему близки были имена Белинского и Герцена, Добролюбова и Чернышевского, начертанные на знамени народно-освободительного движения. И потому в конце жизни все более стала интересовать его бунтующая крестьянская масса. Пока что со спокойным любопытством смотрят мужики (но уже и прислушиваются) на плененного молодого революционера, студента, ходившего в народ, — «ястреба с перешивленным крылом» («Отпетый»). В «Споре о вере» наше внимание привлекает умное, воинствующее, с симпатией нарисованное лицо студента, спорящего с монахом (тут же показывает художник и прислу-

шивающегося крестьянина). Перов размышлял о движениях масс народа — пытался написать картину о Пугачеве, интересовался восстанием Разина, узнавал о расколе XVII—XVIII вв., о борьбе Руси с Ордой.

Создавая и утверждая жанр социальной сатиры, художник как бы противопоставил мраку окружающей действительности людей, возносящих факел духовной жизни. Четыре года были отданы портретам.

Достоевский сказал о Перове — портретисте: «Угадывает главную мысль лица». Перов живописал человека как бы на острье его собственной жизни.

Достоевский на портрете обычен и космичен. Загнанный в угол кредиторами — и «целая эпоха». Человек, в свое время приговоренный «к смертной казни расстрелянiem» и пожизненно — к мучительной «пристальной» мысли.

Отъединившийся от мира, чтобы резко к нему приблизиться. В те дни писатель ни с кем не хотел видеться, сидел, запершь в кабинете. Он писал «Бесов». Человек-сова, человек — страдание, истощенный самонавязыванием и способный бесстрашно погружаться в такие глубины своего и чужого страдания, что оторопь берет. Страшно его тихое раздумье, око ужаснее надрывно-беспомощного крика на всю планету. Перед нами, как свидетельствует жена писателя, «минута творчества Достоевского». Его темный взгляд прожигает пелену со-

бытий и устремляется к огню-ку истины.

...Из массивного домашнего академического кресла светло и благостно, даже, пожалуй, с каким-то далеким-далеким любопытством смотрит на нас худой длиннобородый старец, «сборщик слов» Владимир Иванович Даляр, Русский датчанин. Друг Пушкина. Он производит впечатление аскета и ведуна, человека, отрешенного от многоного суетного во имя цели. Мы знаем эту цель — четырехтомный «Толковый словарь», который Владимир Ильич Ленин называл «великолепной вещью». Трезво, не трезожась, не огорчаясь, окидывает взором Даля свой путь и видит, что достиг он гармонии. Жизнь его сложилась в совершенное здание. Он стремился и создал.

Этим людям радовалась Перов, как радовался Гоголю, Толстому, Некрасову. Хотел, чтобы и его ученики следовали тем же путем. Особо опекал — и деньгами, и советом — самых бедных. У него самого ученичество было тяжелое. Даже фамилию он, не законнорожденный, получил от сельского дьячка, который, подивясь красоте и чистоте его письма, произнес озадаченно-восхищено: «Да ты Перов!» А когда в Училище живописи и ваяния нищета засла, дошел до такой крайности, что хотел было все бросить и податься в учителя рисования.

Впоследствии он изобразит свое несостоявшееся будущее в «Учителе рисования»: тоскливый человечек,аждодневно и тупо, бесконечно и беспеременно, натаскивает недорослей, учит рисовать носы и глаза, глаза и носы. Смирившийся, привыкший безрадостно существовать. Перова приютил тогда и обогрел преподаватель Егор Яковлевич Васильев. И вот, сам став преподавателем училища, Перов, полный «чистоты и радости», словно отдавал свой долг винимания и добра. Его беседы с учениками производили такое впечатление, что «в душе их загоралась новая вера и в искусство, и в самого себя»...

В. ЛИПАТОВ.